

ТЕМПОРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В КАЛМЫЦКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «ДЖАНГАР» И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОТРАЖЕНИЯ

Temporal Lexis in the Kalmyk Heroic Epic *Dzhangar* and the Issues of its Lexicographic Reflection

Э. У. Омакаева (E. Oமாகাева)¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph.D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: elomakaeva@mail.ru.

В статье на основе текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар» рассматриваются базовые именные номинации отрезков времени, описываются их значения в рамках тематических групп существительных с временной семантикой и репрезентативность в эпическом тексте.

Ключевые слова: калмыцкий эпос «Джангар», время, темпоративы, именная лексика, эпический текст, семантика.

Although sharing typological features, the category of time proves itself in different ways in relation to different cultures and languages, revealing the character of national mental outlook and the value system of the ethnicity. The language and imagery of Kalmyk epic reveal to the fullest extent the Kalmyk idea of time in conjunction with philosophical and cultural conceptualization, spiritual and religious comprehension, as well as with ethic and aesthetic appraisal. Research of the time pattern in the Kalmyk language, based on the words denoting time periods, leads to the conclusion that many temporal lexemes are parts of so-called formulas, invariables in the story-teller's memory. This is one of the numerous manifestations of the oral nature of an epic text. The 'naïve' model of time in an epic can be reconstructed through the semantic interpretation of Kalmyk (Oirat) temporal lexis, fixed in the texts of songs. Analysis of temporal words and expressions in different songs of the Kalmyk heroic epic *Dzhangar*, represented by diverse local traditions, variants, and repertoires of story-tellers, revealed the following topic groups: common denomination of time (*tsag* / 'period'; 'epoch'; 'time'), denomination of repeated cyclic long periods of time (*dzhil* / 'year', *dzhil'in tsag* / 'season', *sar* / 'month'), denomination of major parts of the day (*yedr* / 'daytime', *syе* / 'night').

Keywords: the Kalmyk epic "Dzhangar", time, temporatives, nominal lexis, epic text, semantics.

Проблема времени всегда интересовала исследователей самых различных областей человеческого знания. Базисность данной категории заключается в том, что она играет основополагающую роль для формирования картины мира. Как пишет В. Б. Касевич, «время входит в ментальный тезаурус человека в силу отвлечения от процессов, движения» [Касевич 1996: 138]. Движение здесь понимается широко: как не только перемещение предметов, но и циклические природные изменения, сопровождающие жизнедеятельность человека.

Будучи одной из фундаментальных категорий человеческого бытия и культуры, категория времени является объектом изучения различных областей гуманитарной науки. Различные аспекты времени рассма-

триваются современным американским исследователем Энтони Авени [Aveni 1990; Авени 1998], в частности, вопросы биоритмологии, происхождения и развития западного календаря, в том числе понятия о годе и о системах счета времени у исчезнувших народов Центральной Америки (майя, ацтеков, инков), освещается история календарных систем древнего Китая.

Многоаспектность времени, таким образом, исключает односторонний подход к нему только как к философской категории. Можно предположить, что синтез различных подходов и опора на источники разного типа, включая фольклорные (эпический текст), поможет хотя бы отчасти приблизиться к разгадке времени как ключевого понятия человеческого бытия.

Не случайно все чаще раздаются призывы к созданию междисциплинарной науки, которую Дж. Фрэйзер предлагает назвать “хронософией” (хронометрия, темпология – в терминологии других ученых). Отмечая сложность рассматриваемого феномена, он пишет: «Время есть симптом или коррелят структурной и функциональной сложности материи» [Fraser 1982: 1].

Представления о времени в значительной степени определены культурой этноса, вместе с тем, этническая специфика восприятия времени оказывает влияние на поведение членов социума. Этнический аспект данного вопроса изучался Л. Н. Гумилевым [1970]. Проблемы осмысления и исчисления времени связаны со способами счета дней, недель, месяцев и лет, с оценкой возраста человека, роли времени суток и сезонов в хозяйственной деятельности, в быту и культуре, с временной приуроченностью обрядов.

Актуальность лингвистического исследования категории времени в эпическом тексте определяется необходимостью совершенствования на конкретном материале методов анализа лексической репрезентации базовых темпоральных понятий. В семантической структуре любого языка имеется семантическое поле времени, которое объединяет темпоральные лексические единицы и грамматические формы, внутренняя структура которого представляет собой различные оппозиции. Внешняя же структура поля времени определяется его связями с другими семантическими полями.

Темпоральная лексика на материале русского и ряда других языков освещается в работах отечественных ученых, в частности, Н. А. Потаенко [1979, 1987], М. А. Кронгауза [1989], Е. С. Яковлевой [1994] и др. Модели времени, представленные в разных языках, культурах и видах дискурса (фольклоре, поэзии, художественной прозе), стали объектом изучения одного из выпусков «Логического анализа языка» [1997].

Проблеме определения и трактовки феномена времени в языке и культуре монгольских народов посвящено немало работ, хотя проблема темпоральности в целом исследовалась значительно реже, чем проблема локативности (пространства). Время в мировоззрении и культуре монгольских народов невозможно рассматривать вне связи с пространством. Время неосознано, неконкретно, оно растворилось в пространстве

[Нанзатов и др. 2008: 36]. Человек прежде всего ощущает себя в пространстве, а потом уж во времени. “Время обычно рассматривалось как некая упорядочивающая схема, подобная пространству, но проще его, так как имеет лишь одно измерение” [Рейхенбах 1985: 129].

Большой вклад в сравнительно-историческое и типологическое изучение образа времени у разных, в том числе монгольских, народов на разных этапах развития внесли ученые-этнологи, историки культуры [Гуревич 1969; Жуковская 1986 и др.], касаясь в определенной мере и этнолингвистического аспекта.

Темпоративы в определенной степени уже рассматривались калмыцкими лингвистами в работах, посвященных лексической реализации концепта «время» в языке в целом и эпическом тексте, в частности [Тодаева 1976; Пюрбеев 1993; 1997; Есенова 2006; Омакаева 2008; 2009; Салыкова 2007; Голубева 2009; Salykova, Omakeeva, Alexeeva 2014].

Чтобы получить представление о том, как носители языка (калмыки) воспринимают тот или иной фрагмент окружающей действительности (в данном случае – временной), необходимо выявить прежде всего состав лексических единиц. “Наивная” модель эпического времени может быть реконструирована путем семантической интерпретации калмыцкой (ойратской) темпоральной лексики, зафиксированной в текстах эпических песен.

Темпоральная семантика реализуется в лексемах, относящихся к различным частям речи. Поскольку лексемы со значением времени семантически и грамматически неоднородны, то в составе семантического поля времени мы выделяем следующие лексикограмматические разряды: 1) субстантивные (имена существительные и их местоименные субституты); 2) адвербиальные (наречия); 3) предикативные (глаголы); 4) атрибутивно-предикативные (прилагательные).

Полное описание семантического поля времени в эпической картине мира требует анализа всех лексических средств, репрезентирующих темпоральную концептосферу в фольклорном дискурсе, что вряд ли можно осуществить в рамках одной статьи. Поэтому мы ограничились рассмотрением нескольких, наиболее часто встречающихся в эпическом тексте ключевых именных лексических единиц с временной семантикой,

в частности, с темпоральным значением меры времени.

Примеры приводятся из текстов разных локальных версий эпоса «Джангар» и отдельных репертуаров сказителей с указанием в круглых скобках сокращенного названия версии, после пробела — номера песни (арабской цифрой) и после неразрывного дефиса — номера строки, например: (ЭО 1–5).

Главным средством передачи временных отношений в эпосе являются глагольные формы. Кроме того, в обслуживании временной сферы также используются падежные формы, послелогии и наречия. Информация о времени передается, таким образом, в типичном случае грамматическими средствами: временная информация закодирована во временных формах глагола.

Наибольшая точность временной ориентации достигается с помощью субстантивного обозначения, поэтому нами рассматриваются именные номинации отрезков времени. Необходимо также отметить, что именные и наречные темпоральные лексемы очень близки друг к другу. Их близость проявляется в том, что исходной единицей для образования наречий времени в большинстве случаев послужили суб-

Тер жэилин, тер сарин тер өдр (ДШ 1–445).

Тер жэилин, тер сарин тедүдгч өдр

(ДШ 1–550).

Можно выявить несколько уровней семантики имени *цаг* ‘время’ — ядра семантического поля. Время может быть годовым, сезонным, месячным, декад-

Жилин арвн хойр сардан

Гүүлгэд оркв

(ДШ 1–205).

Каждый календарный год делится на несколько сезонов, обычно четыре (дөрвн цаг: үвл/зима, хавр/весна, зун/лето, намр/осень). Хотя в эпосе фигурируют все четыре лексемы, не до конца ясно, является ли такое деление исконным или же в древности было бинарное деление на два сезона. В эпосе в выражениях *үвл уга зун болв*, *үвл уга хаврин кевэр*, *зун уга намрар* актуализируется связь осени с летом, а весны — с зимой.

Большое значение придавалось такой фазе лунного месяца, как полнолуние: *арвн тавна сар* (полнолуние, т.е. пятнадцатые лунные сутки).

стантивные лексемы (*өдр* ‘день’, *сө* ‘ночь’ и др.); специализация субстантивных имен в роли обстоятельств приводит к их переходу в разряд наречных (*өрүн/өрүһәр* ‘утро/утром’).

В языке эпоса наблюдается так называемая специализация времени: временные отношения трактуются как разновидность пространственных. Часто послелогии имеют двойную (специально-темпоральную) семантику, например: *өмн* ‘впереди/до, раньше’, что говорит об исконности пространственных представлений и вторичности (метафоричности) временных. Во втором случае мы имеем метафорическое уподобление соотношения человека и времени передвижению в пространстве: *Арвн тавн сара һазр гинэл* (БЦ 3–1412) ‘Говорят, что это место в 15 месяцев пути’.

Следует отметить, что темпоральная лексема *сар* имеет омоним *сар* ‘луна, месяц’: *сар, нарнла наадад* ‘играя с месяцем и солнцем’ (ЭО 6–71).

Для эпоса традиционно характерна некоторая расплывчатость временных ориентиров: мы не встречаем здесь точных дат, названий дней недели и месяцев (за некоторым исключением), что подтверждается следующими примерами:

В тот день того месяца того года

В такой-то день того месяца того года

ным, недельным, суточным, дневным и ночным.

Годовое время представлено лексемой *жыл* ‘год’, год делится на 12 месяцев:

12 годовых месяцев

Мчался.

Өдр/день является основной единицей измерения времени. Основное значение слова (‘период времени от восхода до заката солнца’, т.е. световой период времени) связано с обозначением света, но это не столько часть суток между утром и вечером в современном понимании, сколько день как противоположность ночи, т.е. светлое время в отличие от темного времени.

Особый интерес вызывает суточное время [Цэдэнжав 2006]. Время в течение суток определяли по астрономическому положению солнца, которое являлось основным

пространственно-временным ориентиром: *һал үдин аңһд* (в самый полдень); *өр үзәтл* (до рассвета); *өрүндһ өрлэ босад* (встав рано утром на рассвете).

Кесг цагтан,

Кесг үйдән,

Долан долан

Дөчн йисн хонгтан (БО 6–554).

Анализ темпоральных слов и выражений на материале различных песен калмыцкой версии героического эпоса «Джангар», представленной разными локальными традициями, вариантами и репертуарами сказителей, позволил выделить следующие тематические (лексико-семантические) группы: общие названия времени (*цаг*/период, эпоха, пора), наименования циклически повторяющихся крупных отрезков времени (*жыл*/год, *жилин цаг*/сезон, *сар*/месяц), названия основных частей суток (*өдр*/день, *сө*/ночь).

Исследование языковой модели времени в калмыцком языке на материале слов, обозначающих временные промежутки, позволяет сделать вывод о том, что многие темпоральные лексемы в эпическом тексте представлены именами существительными, называющими ограниченные временные периоды. При этом слово может обозначать более крупный временной отрезок, содержащий в себе определенное количество более мелких единиц. Темпоральная лексика как важная составляющая лексического фонда калмыцкого эпоса носит общемонгольский характер.

При наличии типологических черт категория времени по-разному предстает в разных культурах и языках, раскрывая характер народного мировидения и систему ценностных ориентиров этноса. В языке и художественных образах калмыцкого эпоса нашли наиболее полное выражение представления калмыков о времени в единстве философского и культурного осмысления, духовно-религиозного понимания и нравственно-эстетической оценки.

Перспективой данной работы может стать дальнейшее исследование категории времени на основе более широкого фактического материала. Расширение материала возможно за счет подключения контекстов из других фольклорных жанров, литературных произведений писателей и поэтов

Темпоративы *цаг* ‘время’, *үй* ‘период’, *хонг* ‘сутки’ входят в состав формул — так называемых констант в памяти сказителя:

Длительное время,

Длительный временной период

Семью-семь

Сорок девять суток

и иных текстов. Другим перспективным направлением можно считать более подробный анализ особенностей языковой репрезентации временного сегмента фольклорной версии языковой картины мира в текстах других фольклорных жанров и идеолекте каждого отдельного сказителя, а также выявление эквивалентной темпоральной лексики в разных лингвокультурах с выделением группы безэквивалентных темпоральных лексем и определением способов их перевода на другой язык.

Сокращения

1. БЦ — Багацохуровская версия;
2. ЭО — цикл песен Ээлян Овла;
3. ДШ — репертуар Давы Шавалиева;
4. БО — репертуар Бадмы Обушинова.

Литература

- Авени Э.* Империи времени. Календари, часы и культуры / пер. с англ. Киев: София, 1998. 384 с.
- Голубева Е. В.* Калмыцкие культурные концепты. Элиста: изд-во КалмГУ, 2009.
- Гумилев Л. М.* Этнос и категория времени // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 15. Этнография. Л., 1970. С. 143–157.
- Гуревич А. Я.* Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 105–116
- Есенова Т. С.* Концепт “время” в поэтической картине мире // Русская речь в инонациональном окружении. Вып. 3. Элиста: изд-во КалмГУ, 2006. С. 130–137.
- Жуковская Н. Л.* Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986. С. 118–135.
- Касевич В. Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Центр «Петербург. востоковед.», 1996. 288 с.
- Кронгауз М. А.* Время как семантическая характеристика имени // Вопросы кибернетики.

- Семиотические исследования. М., 1989. Вып. 159. С. 4–18.
- Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик, 1997. 351 с.
- Нанзатов Б. З., Николаева Д. А., Содномпилова М. М., Шагланова О. А. Пространство в традиционной культуре монгольских народов М: Издат. фирма «Вост. лит.», 2008. 341 с.
- Омакаева Э. У. О модели времени в языковой картине мира монгольских народов Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Ч. I. (г. Элиста, 13–14 сентября 2006 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 13–21.
- Омакаева Э. У. Время // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2009. С. 90–103.
- Потаенко Н. А. Темпоральная лексика как объект лингвистического изучения // Известия АН СССР: серия лит. и яз. 1979. Т. 38. № 3. С. 242–248.
- Потаенко Н. А. Время в языке (опыт комплексного описания) // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 113–121.
- Пюрбеев Г. Ц. Время и пространство в языковом сознании монголов: способы и средства обозначения // VII Междунар. конгресс монголоведов. М.: Наука, 1997. С. 142–144.
- Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык (этнолингвистические этюды). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 128 с.
- Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М.: Прогресс, 1985. 345 с.
- Салыкова В. В. Лексико-стилистические особенности языка синьцзян-ойратской и калмыцкой версий эпоса «Джангар»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2007. 33 с.
- Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.
- Цэдэнжав Д. Традиционное монгольское исчисление времени по отрезкам суток в русском переводе // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Чита: Заб-ГГПУ, 2006. С. 44–48.
- Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) М.: Гнозис, 1994. 344 с.
- Aveni A. Empires of Time: Calendars, Clocks and Cultures. London: Tauris & Co, 1990. 370 p.
- Fraser J. T. The genesis and evolution of time. Brighton: The Harvester Press, 1982. 205 p.
- Salykova V., Omakeeva E., Alexeeva A. Time in Kalmyk folklore discourse based on the 'Jangar' epic and proverbial paroemias / European Journal of Science and Theology. 2014. Vol. 10. No. 6. Pp. 79–89.